

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 330.01

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ПАРАДОКСЫ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: НА ПУТИ К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ

© 2013 г. Р. М. Нижегородцев

Институт проблем управления РАН, г. Москва

В статье обсуждаются онтологические и гносеологические предпосылки становления информационной экономики — области экономической науки, изучающей создание, обращение и потребление научно-технической информации, в контексте истории экономической мысли.

Ключевые слова: информационная экономика; экономическая мысль; экономический рост; экономический прогресс.

The paper discusses ontological and gnosiological backgrounds for development of the Informational Economics — a branch of economics that studies creation, exchange and consumption of the technological information, under a context of economic thought history.

Key words: informational economics; economic thought; economic growth; economic progress.

Perfection of means and confusion of goals seem — in my opinion — to characterize our age¹.

Альберт Эйнштейн

Как всегда бывает в истории человечества, развитие общественного бытия стимулирует и продвигает вперед развитие общественного сознания. Радикальные сдвиги в технологии производственных процессов, становление эпохи господства информационных технологий приводят к возникновению информационной экономики — области экономической науки, изучающей законы создания, обращения и применения научно-технической информации.

В связи с этим представляют интерес вопросы о том, каким образом противоречия

общественного бытия отражает современная экономическая теория (различные ее школы и направления), как эти противоречия и их теоретическое отражение вписываются в общий социокультурный контекст текущего этапа развития мировой экономики и какими чертами характеризуется информационная экономика как одно из направлений современной экономической науки.

1. Политическая экономия отнюдь не исчерпала предмета своего исследования, но ее развитие в основном завершилось тогда, когда экономисты перестали интересоваться вопросами происхождения общественного богатства и занялись вопросами его распределения. Источники общественного богатства, происхождение ценности оказались

¹ *Отточенные средства и расплывчатые цели — вот что, на мой взгляд, характеризует нашу эпоху. Существует множество русских переводов этой фразы, поэтому автор считает правильным сохранить в качестве эпиграфа исходный английский вариант этого изречения, дабы не вызывать бесплодных споров о том, что же именно сказал Альберт Эйнштейн.*

относительно неважными по сравнению с вопросом о том, каким образом это богатство лучше разделить для того, чтобы более эффективно использовать.

2. В частности, Кейнс не ставит вопрос о происхождении общественного богатства. В его теории валовой выпуск макросистем порождается инвестициями, но откуда они берутся? С одной стороны, сбережения перекачиваются в инвестиции, но, с другой стороны, инвестиционный мультипликатор завязан на потреблении, а не на сбережениях. Отсюда вытекает так называемый парадокс бережливости и другие не менее парадоксальные (хотя и, может быть, менее известные) теоретические построения. Все эти парадоксы существуют только в головах людей, которые пишут учебники по экономической теории, и отчасти в головах тех, кто их читает, а в жизни этих парадоксов нет.

Это хорошая иллюстрация к известному положению современной теории познания о том, что логические и гносеологические противоречия предстают перед нами как онтологические [1]. Нам кажется, что это познаваемая нами вещь загадывает нам загадки, а на самом деле источник наблюдаемых нами противоречий находится в нашей собственной голове, в том ракурсе, с которого мы наблюдаем эту вещь, в нашем восприятии этой вещи и в нашей логике осмысления данного объекта познания.

Можно сказать, что с точки зрения кейнсианской доктрины само разделение валового продукта замкнутой макросистемы на потребление и сбережения имеет значение только в коротком горизонте, а в долгосрочном периоде вчерашние сбережения рано или поздно становятся потреблением — личным или инвестиционным. Однако это замечание, хотя отчасти и объясняет тот же парадокс бережливости (который, как известно, выражает именно противоречия между коротким и длинным горизонтами), но не делает более удовлетворительным объяснение происхождения инвестиций в краткосрочном периоде.

3. Теория маржинализма предполагает, что степень удовлетворенности жизнью зависит от уровня притязаний. Переоценка ценностей в сторону самоограничения, снижение потребностей ведут к повышению ин-

дивидуальной функции полезности, тогда как возвышение потребностей неизменно оборачивается уменьшением функции полезности. Однако именно возвышение потребностей в долгосрочном горизонте является стандартным и закономерным. Функция полезности может расти и вследствие осуществления трансакций, ее рост вообще выносится за рамки производственных процессов. Более того, никакие (добровольно осуществляемые) трансакции были бы невозможны, если бы они не увеличивали функцию полезности каждого из участвующих в них агентов.

С точки зрения маржинализма, никакой общественной ценности у благ, собственно, нет, а существуют субъективные представления о ценности, которые агенты приписывают тем или иным благам. Поэтому нет и единой (объективной) основы для соизмерения ценности благ: сколько существует функций полезности, столько и оснований для этого соизмерения. Так что деньги в маржинализме — не мера стоимости, а лишь инструмент выражения масштаба цен.

Сформулируем ту же мысль более жестко: из того, что средняя рыночная цена блага А выше, чем средняя рыночная цена блага Б, не вытекает, что в обществе найдется хотя бы один агент, для которого обладание благом А увеличило бы функцию полезности сильнее, чем обладание благом Б [2].

В маржиналистской доктрине само происхождение ценности выносится не только за пределы процесса производства, но и вообще за пределы каких-либо объективных действий: оно диктуется субъективным восприятием реальности, но не реальностью как таковой. Таким образом, маржинализм стал первой экономической доктриной, сделавшей серьезный и недвусмысленный шаг в сторону культурных ценностей постмодерна. Ценность в маржинализме является субъективной субстанцией агента, который ее оценивает и измеряет, но не общественным отношением, формирующимся в процессе объективного общественного движения благ.

В этом смысле марксизм похож на классическую механику Ньютона: та же приверженность объективизму и материалистические по своей природе предпосылки анализа. Пространство и время объективны и абсолютны, система пространственно-вре-

менных координат одинакова в любой точке Вселенной и не меняется со временем. Маржинализм сродни физическому релятивизму, в котором пространство и время растяжимы, сжимаемы, искривляемы и вообще условны и субъективны, всецело зависимы от вещей, погруженных в это время и в это пространство, которые выступают уже не абсолютными координатами, а всего лишь формами бытия и движения самих этих вещей.

Не случайно релятивизм в физике и в экономике возник примерно в одно и то же время. Идея относительности, идея отсутствия объективных основ человеческой жизнедеятельности уже прокладывала себе дорогу в общественном сознании, притом многочисленными и совершенно разными путями. В результате маржинализм сделал первый шаг к постмодерну в экономической теории, к расщепленному бытию, в котором каждый погружен в собственный фрагмент реальности, отчасти творимой им самим [3].

4. Подавляющее большинство экономических доктрин, возникших в индустриальную эпоху, исходит из идеи наличия общественного прогресса. Не только марксизм с его «линейной» теорией общественной эволюции, но и значительная часть неоклассических и даже кейнсианских построений характеризуются верой в общественный прогресс, в то, что в результате неких усилий и действий все то, что существует сейчас, можно сделать лучше, чем делается сейчас. «Традиционные» институционалисты (например, Веблен и Коммонс) также неявно принимают эту идею. Для Джона Дьюи и его последователей («инновационных» институционалистов, разрабатывающих институциональную теорию инноваций) вера в общественный прогресс зиждется на технологической эволюции общества. Подобно Марксу, они видят вектор развития направленным в сторону общественного устройства, которое создает более благоприятные условия для совершенствования производительных сил, неявно принимая посылку, будто более прогрессивное общество должно быть технологически более развитым.

Неоинституционализм если и не отрицает идеи общественного прогресса, то, во всяком случае, предположение о наличии такового не является для него обязательным.

Для неоинституционализма существует некое меню, некий набор институциональных решений и действий, и ни одно из них не является более «прогрессивным» или более совершенным, чем другие. В зависимости от того, в чем заключаются, как сочетаются и каким образом агрегируются интересы и предпочтения частных агентов, осуществляется общественный выбор. В результате этого выбора оказывается, что более приемлемым для общества в целом является то одно из этих решений, то другое (вспомним, например, «маятниковые» колебания между дирижизмом и либерализмом в экономической политике многих стран). Эти решения и действия, входящие в данный набор, попеременно сменяют друг друга, и в этом многократном хождении по кругу без какого-либо движения вперед могут пройти века.

Идея «необязательности» общественного прогресса, его как бы случайности характерна для современного постмодерна [4] и в работах постмодернистов (например, М. Фуко и Ж. Дерриды) противостоит представлениям о прогрессе как «вековом тренде» экономического и социального развития. Неоинституционализм отразил эту идею в экономике, освобождая вектор текущих изменений от наличия отчетливо выраженного тренда.

5. Исследование траекторий и сценариев экономического роста вызывает ничуть не меньше вопросов. Многие выводы современной теории международных экономических отношений базируются на «золотом правиле накопления» Э. Фелпса, которое утверждает в долгосрочном периоде неизбежность ориентации любой макросистемы на гарантированный минимальный темп роста, диктуемый темпом прироста трудовых ресурсов (в более жесткой постановке — темпом прироста численности населения).

Даже в самом первом приближении преодолеть грустную зависимость, найденную Фелпсом, позволяет наличие организованных потоков трудовой миграции, и здесь вопрос о структуре этой миграции (прежде всего квалификационной, профессиональной) является ключевым с точки зрения оценки эффективности мер миграционной политики.

Но (во втором приближении) трудно не заметить, что само наличие открытой Фелпсом закономерности базируется на изначаль-

но сделанном им предположении, а именно — в исследуемой макросистеме предполагается постоянная отдача от масштаба применяемых факторов производства. Иными словами, для того, чтобы в N раз увеличить валовой выпуск, необходимо взять в N раз больший объем капитала и приложить к нему в N раз большее количество труда. Таким образом, исходное предположение Фелпса (который в этом вопросе, как и во многих других, находился в плену доктрины Роберта Солоу) заключается в том, что в макросистеме возможен только экстенсивный рост.

Именно это предположение в конечном счете предопределяет результат проделанных вычислений, а именно — фатальную зависимость роста макросистемы от темпов роста живого труда (так называемая теория биологической ставки процента). Экстенсивный рост, не поддержанный надлежащим объемом ресурсов, в конце концов захлебнется — вот сокровенный смысл «золотого правила накопления». Но это — абсолютная банальность, которую даже обсуждать в профессиональной аудитории как-то неудобно.

Если же макросистема не характеризуется исключительно экстенсивным ростом, то легко понять, что «рекомбинации» (как говорил Шумпетер) факторов производства порождают синергетический эффект: для кратного прироста валового продукта нет необходимости в той же пропорции увеличивать объемы вовлекаемых ресурсов. Блез Паскаль сказал бы, что это чудо, т. е. «эффект, который превышает естественную силу факторов, при сём употребляющихся». С точки зрения теории Солоу – Фелпса интенсивный экономический рост оказывается сплошным чудом — феноменом, возможность которого не вытекает из теоретических построений.

Наконец (и это в-третьих), помимо капитала и труда, на экономический рост оказывают воздействие и объемы других факторов производства, например, вовлекаемой информации. И здесь начинаются настоящие чудеса, поскольку связь между затратами на информационные ресурсы и отдачей от них, вообще говоря, неочевидна и, во всяком случае, не является монотонной.

Реальности современного информационного производства, сопровождающего процессы принятия решений, ставят под сом-

нение само наличие связи между объемом затрат и возникающим эффектом [5]. Например, на современных фондовых рынках результат инвестиций решающим образом зависит не от их объема, а от текущего состояния конъюнктуры и от момента времени, когда они были осуществлены.

Таким образом, подвергается сомнению сама идея оценки производственной функции, выражающей связь между затратами и результатами производственного процесса и хорошо описывающей реальность индустриального производства. В условиях становления информационного производства некоторые феномены, возникающие при оценке производственных функций, могут быть описаны как рост на ожиданиях: валовой выпуск макросистемы зависит от объемов ресурсов, которые будут вовлечены в производство в будущие периоды времени [6]. Однако, несмотря на высказываемые сомнения в целесообразности применения стандартного аппарата производственных функций к оценке динамики современных макросистем, до полного превращения производственных функций в иллюзию, в фикцию, все еще достаточно далеко [7].

Как отмечает Фрэнсис М. Бэйтор, «причинно-следственные связи стали более неопределенными, а инструментов по сравнению с целями стало еще меньше, чем было» [8, с. 355].

6. Информационная экономика (наука, изучающая воспроизводство научно-технической информации в экономических системах) отчасти возвращает интерес к проблеме источников общественного богатства, и этим объясняется некий ренессанс политико-экономических построений в трудах экономистов последних 10–15 лет. На смену политэкономии труда и политэкономии капитала, представляющих собой теоретические построения позднеиндустриального общества, приходит политэкономия информации [9], знаменующая наступление эпохи господства информационных технологий, радикально изменяющей наши представления о способах соединения живого и овеществленного труда, о механизмах их взаимодействия, соизмерения и экономической оценки.

Интенсивное использование технологической информации в производственных про-

цессах ставит на повестку дня вопрос о том, выступает ли информация источником ценности или это просто фактор, который наряду с другими участвует в ее создании. Разные экономические доктрины дают различные ответы на этот вопрос, однако в отдельных деталях они едины: применение информации делает легче и успешнее человеческий труд, повышает его эффективность и способствует замещению информацией других типов ресурсов, в известном смысле преодолевая их ограниченность.

Эта идея, в свое время высказанная Томасом Де Грегори, который называл информацию «ресурсом ресурсов», остается плохо разработанной и мало востребованной существующими на сегодняшний день экономическими доктринами, которые с этим выводом не спорят, но попросту не знают, что с ним делать. Обитание в мире абсолютно ограниченных ресурсов, хотя и неправдоподобно, но привычно с точки зрения теории и удобно с точки зрения современных подходов к экономическому моделированию. Большинство количественных моделей анализа экономических систем построено на предположении о том, что в мире существуют только чисто частные блага. Однако реальность, как обычно, оказывается намного сложнее.

Информация является благом, неконкурентным в потреблении, поэтому построения различных экономических доктрин, основанные на предположении об ограниченности ресурсов, постепенно теряют силу с развитием информационного производства, с распространением информационных продуктов [10–12].

Важнейшей чертой грядущего технологического способа производства, основанного на массовом создании и применении технологической информации, является отрицание стоимостной формы общественного труда, а значит, и общественного продукта. Отсюда вытекает и принципиальная несоизмеримость живого и овеществленного труда, невозможность сопоставления их вклада в экономический рост макросистем.

Таким образом, современная экономическая наука стоит на пороге формирования новой парадигмы, призванной отразить реальности эпохи господства информационных технологий, становление которой совершается на наших глазах.

Литература

1. Карпович В. Н. Системность теоретического знания. — Новосибирск, 1984.
2. Фелдман А. М. Экономическая теория благосостояния. // Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — М.: ИНФРА-М, 2004. — С. 870–886.
3. Нижегородцев Р. М. Метафизика экономической науки: на пороге информационного переворота. // XXI век: интеллект-революция. Монография. / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. — М.–Киев: Издательско-информационный центр Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2012. — С. 82–89.
4. Адам Кертис: трагедия Летова — в возврате к прошлому [Электронный ресурс] / BBC. — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2013/07/130708_curtis_igor_letov_iv.shtml?ocid=wsrussian_nasponsoredlink_rambler_homepage_partner, свободный (08.07.2013). — Загл. с экрана.
5. Гонtareва И. В., Нижегородцев Р. М. Системная эффективность предприятия: сущность, факторы, структура. — М.–Киров: ВСЭИ, 2012. — 152 с.
6. Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. Феномен «роста на ожиданиях»: регрессионный анализ и релятивистская концепция времени в экономике. // Вестник экономической интеграции. — 2011. — №12. — С. 11–27.
7. Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. Современный экономический рост: теория и регрессионный анализ. — Новочеркасск: «НОК», 2011. — 343 с.
8. Бэйттор Ф. М. Точная настройка. // Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — М.: ИНФРА-М, 2004. — С. 350–357.
9. Нижегородцев Р. М. Информационная экономика. Книга 2. Управление беспорядком: Экономические основы производства и обращения информации. — М.–Кострома, 2002. — 173 с.
10. Нижегородцев Р. М. Экономика информационного производства: становление, развитие, перспективы. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 1997. — №1. — С. 72–85.
11. Нижегородцев Р. М. Философско-экономические аспекты становления информа-

ционной парадигмы в экономической науке. // Философия хозяйства. — 2005. — №6. — С. 65–69.

12. Нижегородцев Р. М. Эволюционный подход к экономической теории информации.

// Теория эволюции экономических систем. / Под ред. А. И. Татаркина, В. И. Маевского. — М.: Экономика, 2008. — С. 577–596.

Поступила в редакцию

16 октября 2013 г.

Роберт Михайлович Нижегородцев — доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института проблем управления РАН. Специалист в области информационной экономики, экономики инноваций, макроэкономики и экономической политики, экономической динамики, институциональной экономики. Автор более 600 научных публикаций, в том числе более чем 20 монографий и более чем 100 статей в ведущих российских журналах.

Robert Mikhailovich Nizhegorodtsev — Ph.D., Doctor of Economics, laboratory chief at the Institute for Control Studies RAS. Majors in information economy, economics for innovations, macroeconomics and government policies, institutional economics. Author of more than 600 publications, including more than 20 monographs and more than 100 papers in top-level Russian journals.

117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 65
65 Profsoyuznaya st., 117997, Moscow, Russia
Тел.: +7 (495) 334-79-00; e-mail: bell44@rambler.ru